

Устная история (Oral history) в российской исторической практике 1920–1930-х гг.: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории

Т.К. Щеглова¹, Д.А. Дрожжецкий²

¹ Алтайская государственная педагогическая академия (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (Барнаул, Россия)

Oral History in the Russian Historic Research of the 1920s — 1930s: Discussion of the Concept of “Oral History” and Its Time of Origin

T.K. Shcheglova¹, D.F. Drozhetsky²

¹ Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russia)

² Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

Анализируется отечественный опыт реализации масштабных проектов 1920-х гг. по опросу участников кардинальных событий первой четверти XX в. Рассматривается роль государства в формировании организационной структуры по сбору воспоминаний — Истпарта, его центральных комиссий и сети территориальных отделений. Характеризуются основные направления работы, показано место творческой интеллигенции, в привлечении активистов к работе по опросу участников событий в столичных городах и регионах. На Алтае методы опроса рассматриваются на примере деятельности А.В. Анохина, артели «Краевед», общества «Пятигодников». Характеризуется участие академических историков, в частности М. Покровского, М.К. Рожковой, А.М. Панкратовой, в научно-методическом обеспечении устноисторической работы. Анализируются формы и методы работы, рекомендации к проведению опросов и записи их материалов, обобщаются материалы дискуссий вокруг устных свидетельств как источников для исторических исследований. Доказано, что в 1920-е гг. совпала заинтересованность в «устной истории» государства (для идеологического обоснования молодого социалистического государства), академической науки и краеведческого движения (массовый энтузиазм нового советского общества).

Ключевые слова: устная история, направления работы, методы и формы опроса, опыт фиксации, источник, краеведение, государство, общество.

This article shows national experience analysis of large-scale projects realization in the 1920s based on interviewing of dramatic events participants of the first quarter of the 20th century. The role of government in organizational structure formation of memories collecting — ISTPART and its central committees and local branches net — is considered. The main aspects of their work are characterized. The article examines the artistic intelligentsia's role in attracting activists to interviewing the events participants in the main cities and in the regions. The polling methods in Altai are shown on the example of the activity of A.V. Anohin, Kraeved artel, Pyatigodniki society. The participation of academic historians, in particular M. Pokrovsky, M.K. Rozhkova, A.M. Pankratova, in methodological support of oral history work is characterized. Forms and methods of work, recommendations for conducting polls and recording their results are analyzed; discussion materials dealing with oral testimony as a source of historic research are summarized. The author proves that the interest of the state in “oral history” (in search for the ideological basis of the new socialistic state) coincided with the interest of academic circles and regional study movement (mass enthusiasm of the new Soviet society).

Key words: oral history, aspects of the work, methods and forms of the poll, record experience, source, regional study, state, society.

Устной истории как самостоятельного направления в отечественной исторической практике до конца 1980-х гг. не существовало. Как не существовало и понятия «устный исторический источник». Понятие «устная история» как калька с «oral history» вошло в язык с конца 1980-х гг. В это время стали появляться центры или сообщества устной истории (Москва, Ленинград, Киров, Калининград).

Понятие «устный исторический источник» до сих пор не устоялось. Предшественником данного понятия в России являлись «устные свидетельства» (1970-е гг.). Это понятие применялось по отношению к записанной на аудионоситель информации об исторических событиях, а не к устному народному творчеству (фольклору) [1, с. 14]. В современной практике сформировался терминологический разнобой — устный источник, «историко-социологический источник», «воспоминание-интервью», «жизненная история» (life story), «биография», «ретроспективная информация» и др. В 1980 г. в историографическом обзоре развития устной истории за рубежом Н.П. Кузнецова и В.М. Суринов употребили понятие «устный исторический источник» [2, с. 73–76]. Одна из авторов данной публикации в своей исследовательской практике независимо от названной публикации самостоятельно пришла к ведению данного понятия [3–4].

В терминологии применительно к методу устной истории также нет общепринятого понятия. Есть общее представление, что основным методом устной истории является опрос, а формы его различные. Это «беседа», «интервью», «расспрос». При этом есть полярные точки зрения. Одни считают, что опрос должен проходить в форме «интервью» (вопрос-ответ). Другие принимают только форму опроса в виде «беседы» (проект В.Д. Дувакина в МГУ в 1970-е гг.). Стоит отметить, что в любом случае — это диалог носителя информации с получателем. И еще одна особенность: анализ подоплеки дискуссий между сторонниками той и другой точек зрения показывает, что для отечественной практики понятие «беседа» более ранний. «Беседой» и «беседчиками» называли участников масштабных проектов 1920-х — начала 1930-х гг., которые по своим формам работы были ближе всего к современному понятию «устная история». В современной исследовательской практике возобладал метод «интервью», в разных его формулировках — «историко-социологическое интервью», «научное интервью», «историко-научное интервью», «интервью-воспоминание» и т. д.

Поэтому представляется важным проанализировать опыт 1920–1930-х гг., который базировался на «зачатках» устной истории как комплексе особым образом организованной исследовательской деятельности по изучению недавнего прошлого. Более того, ряд исследователей (В.Е. Корнеев, Д.Н. Хубова, М.Ф. Мокрова,

С.О. Шмидт), касающихся вопросов развития устной истории в России считают, что в эти годы устная история переживала своего рода расцвет [5–8].

По нашему мнению, научно-методическое обоснование работы по фиксации «человеческого материала» профессиональными историками в отечественной практике началось с так называемого золотого десятилетия краеведения (1918–1927 гг.) и продолжалось вплоть до репрессий 1930-х гг., которые оборвали научную методическую и методологическую проработку устноисторических исследований. В 1920-е гг. совпала заинтересованность в «устной народной истории» государства (для идеологического обоснования «молодого социалистического государства»), академической науки (своеобразная форма «хождения в народ» российской интеллигенции) и краеведческого движения (массовый энтузиазм нового советского общества).

Целью молодого советского партokratического государства являлось документирование событий, кардинально изменивших Россию, — революции, Гражданской войны, первых социалистических преобразований.

Цель научного сообщества — зафиксировать и проанализировать тот масштабный поворот исторического пути российского общества, свидетелями которого ученым выпало стать.

Целью краеведческого движения было, по общему определению А.Я. Гуревича, «подслушать то, что изучаемое общество не сумело или не позаботилось о себе рассказать», то, что можно обозначить как «народоведение». Это движение учитывало русскую неграмотность и вовлекло знаменитых академиков к оформлению высказываний «немолчаливых», «безгласных» представителей нижних этажей российского общества к формированию «истории снизу» как противовоядя против «истории сверху».

На рассматриваемом этапе все три силы объединили свои усилия, каждая взяла на себя определенные функции.

Государство стало инициировать, координировать и поддерживать начавшееся «хождение в народ» академических историков. Для этого в 1918 г. был организован Истпарт с его региональными отделениями для формирования документированных коллекций опросов участников революционного движения и партийной жизни. Академические историки были привлечены для научно-методического обеспечения устноисторических исследований. Оно представляло собой новую технологию исторического исследования, включая составление программ опроса и беседы (вопросники, анкеты), разработку требований к записи, архивированию и интерпретации устноисторических материалов опроса, формам и путям введения и популяризации новых источников. Краеведы, увлеченные призывом государства, орга-

низовали массовое устноисторическое движение, используя разнообразные формы, начиная от устройства вечеров воспоминаний и заканчивая работой по анкетированию и опросу очевидцев и участников об истории фабрик и заводов, истории пролетариата и революционного движения, истории народонаселения с широким вовлечением малограмотных или безграмотных участников масштабных исторических процессов.

Опыт и вклад ученых-историков и краеведов в развитие устной истории до сих пор не получил достойной оценки. А оставленное ими наследие, в том числе по регионам, вовсе используется мало.

Первое направление устноисторической работы — это фиксация «уходящей деревни». Краеведческая работа активизировалась в 1920–1930-е гг. под влиянием начавшихся процессов переустройства крестьянского мира, происходящих в деревне изменений уклада, быта и мировоззрения. Интерес к деревне, к раскрестьяниванию был обусловлен наличием того, «что не написано», и «не только потому, что народы или социумы неспособны по разнообразным причинам писать, но и потому, что это принципиально отличается от того, что обычно заключено в бумаге» [9, с. 5]. Ориентирами «отечественной устной истории» в это время стали «народное сознание» и «народная культура». Исследовательская работа, продолжившаяся в 1920–1930-е гг., отличалась сбалансированностью письменных и устных исторических источников, когда не только краеведы, но и академические историки осознали, что недостаточно изучать историю, особенно региональную, только «по наличным памятникам в архивах». На Первой Всероссийской конференции обществ по изучению края был оформлен союз «большой» академической и университетской науки с провинциальным краеведческим движением и сформулирована задача «привести к согласованию и планомерной работе сеть краеведных обществ и учреждений и тем начать новую реальную организацию изучения России» [10, с. 33].

На этом же этапе развития устноисторической практики были установлены тесные взаимосвязи краеведения с музейным и архивным делом. Главные хранилища исторической памяти развернули значительную собирательскую и описательную работу. Академическая наука вооружала краеведческое движение научной методикой работы, в том числе по созданию источников для «человеческого измерения истории». Предложенные способы и методы документирования и интерпретации устноисторической информации были использованы краеведами повсеместно для изучения культуры, быта, мировоззрения и менталитета крестьянского населения. Научно-методический арсенал был применим к изучению любых региональных проблем, этнокультурных социумов и общественно-политических групп.

Активно проводились полевые исследования с использованием элементов и методов устной истории, в том числе в рамках школьного краеведения, массово развивавшегося на этом этапе. Учеными и преподавателями для организации поисково-исследовательской работы школьников составлялись комплексные программы по изучению своего народа и фиксации «живого голоса» истории [11–12], предполагавшие обращение к носителям информации. Научная и образовательная общественность осознала, что «с изучением окружающего мира нужно спешить, потому, что ... распространение просвещения, знакомство с городом быстро стирает особенности народного быта, языка, нравов, и через некоторое время уже нельзя будет воссоздать того, чему мы в настоящее время являемся свидетелями» [13, с. 7].

К данной работе были привлечены прежде всего те школы, которые входили в систему новаторских опытно-показательных учреждений, созданных в результате образовательных реформ Наркомпроса и находившихся в ведении Главсоцвоса НКП. Особенно большое значение с 1922 г. для фиксации тех фрагментов культурной, духовной или бытовой жизни, что свидетельствовали об уходящей эпохе, приобрела работа в рамках программы по изучению «местной жизни». Для этого, например, ученикам на лето давались задания по фиксации устного народного творчества, в том числе сказаний о прошлом, по описанию обрядов, праздников, хороводов [14, с. 21].

Например, в Алтайской губернии такую работу проводила Барнаульская школа им. III Коминтерна, организовавшая с 1922 по 1927 г. экспедиции в Горный Алтай. Руководил работой известный краевед, этнограф, фольклорист, композитор А. В. Анохин. Во время экспедиций, наряду с чисто этнографическими направлениями работы, школьники занимались устной историей алтайских народов. Анализ методики работы руководителя экспедиции позволяет провести аналогии с требованиями современной устной истории. Так, А. В. Анохин рекомендовал «придерживаться средней народной массы и скорее низов, пользуясь, главным образом, знаниями и наблюдениями стариков и старух». Перед экспедицией с учениками проводились практические занятия по правилам ведения записей бесед и рассказов. Главным требованием Анохина к собираемому материалу было «записывать и зарисовывать так, как слышат и видят». На этом этапе были выработаны и обоснованы многие подходы к изучению и реконструкции прошлого, которые на современном этапе называются «новыми» методами и направлениями исторических исследований.

Можно утверждать, что именно в эти годы были заложены многие опорные точки для таких отраслей «новой истории», как «история повседневности» (тогда она называлась «бытовая история»), «устная история», «локальная история». В этом плане важ-

ные выводы для признания самостоятельности устной истории были сделаны в ходе развернувшейся на этом этапе дискуссии «История и современность в работе краеведа». Многие ученые согласились с заключением профессора Саратовского университета С.Н. Чернова, что «историк... должен принимать меры и к тому, чтобы создать в будущем своим преемникам возможность изучать текущую вокруг него жизнь», а для этого — записывать рассказы очевидцев.

Большое значение для этой работы имела разработка методики проведения беседы, опроса, требования к документированию устной информации, ее хранению и интерпретации известными историками А.М. Панкратовой, М.К. Рожковой, Н.Я. Марром, М.Я. Феноменовым, А.Е. Ферсманом. Они исходили из того, что основная часть участников исторической жизни не обладала умением выражать свои мысли на письме. В одной из изданных программ-инструкций для краеведов (1929 г.) указывалось, что поскольку «рядовые» участники часто не владеют пером и не в силах сами написать воспоминания, «в этом деле могут помочь заранее выработанные для данной области или события анкеты». Учеными предлагались разные пути формирования нового документального материала: разработка опросников и составление анкет дополнялись организацией публичных выступлений, вечеров воспоминаний, встреч.

Все способы активизации индивидуальной и коллективной исторической памяти должны были сопровождаться организацией стенографической записи выступлений, воспоминаний, бесед и рассказов. Академические историки придавали огромное значение правильной и полной фиксации устной информации и абсолютно адекватно оценивали возможные потери при произвольном, не стенографическом документировании рассказов и бесед. Именно стенографическая запись в то время была наиболее быстрым и доступным способом. Она позволяла специально подготовленным стенографисткам почти дословно фиксировать устную речь.

Для организации массовой работы не только формировалась методическая база опроса и фиксации, но существовала и программа по подготовке людей, участвующих в опросах, беседах, записях воспоминаний. Коллективы, участвующие в опросах и сборе воспоминаний, формировались из ученых, писателей, публицистов, общественных деятелей, а также на самих предприятиях из грамотных людей. Их называли «беседчики». Например, среди беседчиков в редакции «Истории фабрик и заводов», записывающих воспоминания, был такой известный впоследствии писатель, как Александр Бек.

В основе второго направления устноисторических исследований лежал интерес к новой социалистической России. Инициатором ее изучения выступило государство. Начало работы было положено создан-

ной Комиссией для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарт) и ее региональных отделений. В последующие годы по этой же схеме были запущены проекты по устной истории фабрик и заводов, истории пролетариата, истории первой революции и других. Истпарт был основан первоначально в августе 1920 г. при Государственном издательстве, а 21 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) принял постановление, подписанное В.И. Лениным, об учреждении Истпарта при Наркомпросе. 1 декабря 1921 г. он вошёл в состав ЦК РКП (б) на правах отдела [15, с. 168]. Главной задачей Истпарта было собирание документальных и мемуарных источников по истории Октябрьской революции и РКП (б): «создание Истпарта и его местных органов положило начало планомерному и организованному сбору материала, рассчитанных не только на опубликованные, но и на создание мемуарного фонда по истории партии» [16, с. 16]. В открытых при комиссии Истпарта периодических изданиях «Пролетарская революция», «Красная летопись», «Летопись революции», «Каторга и ссылка» публиковались воспоминания. Можно выделить шесть основных тем опросов: революционное движение 1905–1906 гг.; революция 1917 г. и Гражданская война; история большевистской парторганизации; история контрреволюционных организаций и деятельность подпольщиков; биографии выдающихся революционеров; жизнь и деятельность В.И. Ленина [17, с. 280–309]. Работа строилась путем сетевого взаимодействия создаваемых центральных и региональных центров с научно-методическим обеспечением из центра, региональным и центральным архивированием и публикацией промежуточных итогов в созданной системой Истпарта периодической печати.

Региональным примером являлась созданная на территории Алтайского края комиссия по истории Октябрьской революции и РКП (б) (Истпарт) Алтайского губернского комитета РКП (б) (постановление президиума Алтайского губернского комитета РКП (б) от 26 апреля 1921 г. № 56). Ее целью являлся сбор документов о деятельности дореволюционных рабочих и партийных организаций, материалов о деятельности партии большевиков, воспоминаний и рассказов участников подполья, революции, Гражданской войны [18, л. 61]. Сбором воспоминаний на территории Алтайского края в начале 1920-х гг. занималась также артель «Краевед», созданная в Барнауле 22 декабря 1925 г. как группа содействия Истпарту. В нее вошли участники революции 1905 г. 5 августа 1931 г. артель была переименована в Барнаульское общество ветеранов революции 1905 г. «Пятигодник», а в ноябре 1935 г. — в «Барнаульский коллектив общежития ветеранов революции 1905 года» [19, с. 26]. Члены этих обществ, комиссий и артелей занимались

сбором устных рассказов, многие из собранных ими материалов отправлялись в архив Истпарта, а потом и в партийный архив.

Третьим направлением устноисторической работы стало теоретико-методологическое обобщение накопленного материала. В официальных изданиях Истпарта, в журнале «Пролетарская революция», в сборнике статей «История заводов», «История пролетариата» в 1920-х — начале 1930-х гг. обсуждались многие дискутируемые сейчас вопросы о достоверности, репрезентативности, объективности и использовании созданных опросом источников в исторических исследованиях.

Один из подходов к устной истории представлял М.Н. Покровский, сторонник количественного анализа собранных источников. Его школа практиковала анкетирование (широкий опрос) участников событий. Массовое анкетирование, по мнению М.Н. Покровского, давало исследователю достоверный фактический материал, позволяющий «сгладить результаты индивидуальных ошибок и выявить с достаточной надежностью массовые настроения» [20, с. 9–10]. М.Н. Покровский в своей работе утверждал, что «воспоминания, рядом с документами, всегда останутся источником второстепенным», их необходимо использовать в дополнении к имеющимся письменным материалам. Вместе с тем причины активного использования для публикации воспоминаний М.Н. Покровский объяснял тем, что исследователь должен «исчерпать до дна этот говорящий источник», пока многие из свидетелей еще живы.

Таким образом, историк провел грань между формализованными массовыми источниками (анкеты) и индивидуальными (единичными) источниками (материалы бесед и расспросов). Тем самым он поддержал отрицательную реакцию многих исследователей на чрезмерное использование воспоминаний в печати, выступая против «применения индивидуального метода» и использования материалов, собранных у отдельных участников конкретных событий.

Недостатки М.Н. Покровский, во-первых, видел в том, что рассказчик не может отрешиться от личной точки зрения. Во-вторых, по его мнению, многим информаторам свойственно преувеличивать, в том числе и собственную роль в каком либо событии или процессе. В-третьих, он считал, что последующие воспоминания постепенно наслаиваются, искажают даже прошлые настроения, не говоря уже о том, что забываются частные факты. Отсюда всякие воспоминания являются переплетом «поэзии и правды». Чтобы ликвидировать данные недостатки, считал Покровский, воспоминания необходимо собирать в большом количестве, или, говоря современным языком, достигать репрезентативности. А сопоставимость и репрезентативность лучше достигаются путем формализованного анкетирова-

ния. М.Н. Покровский писал: «Как документы нужно уметь читать, так воспоминания нужно уметь выуживать. В массовом масштабе это осуществляется только путем тщательно разработанной анкеты, которая ставила бы определенные вопросы и тем помогала бы оживить прошлое самим участникам». Приложением к статье М.Н. Покровского был проект анкеты по революции 1905 г. Анкета состояла из 17 пунктов с перечнем уточняющих вопросов и была разработана с возможностью ее применения в любом регионе бывшей Российской империи.

Такая позиция нашла поддержку на Всесоюзном совещании заведующих истпартотделами с 26 по 27 мая 1924 г. в рамках XIII партсъезда. Авдеев, выступавший по методам собирания и обработки материалов [21, с. 269], предлагал участникам опросов при собирании и обработке источников обращать внимание на две задачи: «установление точных и верных фактов» и «выявление, при помощи марксистского метода, исторической закономерности этих фактов» [22, с. 443–446]. Марксистский метод, в его представлении, состоял в научной критике источника. Критика источника должна проходить 5 стадий сначала внешней, потом внутренней проверки источника: сопоставление, сравнение, проверка, контроль и анализ. Воспоминания участников революционных событий предлагалось сравнивать с источниками письменного происхождения или с независимыми друг от друга свидетельствами, т. е. «свидетельства должны быть проконтролированы друг другом и взвешены между собой».

По этой причине массовое распространение получил такой метод устноисторической работы, как тематические интервью-конференции, в которых участвовало большое количество участников и свидетелей одного из произошедших событий. Участники конференции по-одному выступали с докладами, после выступления проходило обсуждение позиции выступающего, уточнялись факты. Такие вечера стенографировались, а стенограммы служили в дальнейшем источниками. Обычно они проводились в юбилейные даты, как например, празднование 20-й годовщины революции 1905–1906 гг. В Барнауле вечера воспоминаний, например, прошли с 19 декабря по 22 января 1925 г. Результаты этих вечеров публиковались в газете «Красный Алтай». Анализ материалов в центральных и региональных изданиях, в том числе. Для публикаций Истпарта было характерно редакторское вторжение в авторский текст, компоновка разных текстов, редакционные заголовки, устранение повторов, переименование частей рукописи, проведение стилистической правки, литературная переработка воспоминаний.

Современники дискутировали по поводу ценности собираемых Истпартом источников. В выступлении на Всесоюзном совещании заведующих истпартот-

делами Попов отмечал, что «среди многих партийных товарищей существует мнение, что воспоминания в настоящее время представляют собой малоценную вещь, чисто не соответствующую действительности так что, в сущности говоря, эта волна была ошибочной в испартовской работе. Это, конечно, не совсем так, ибо можно привести кучу примеров, когда воспоминания являлись лучшими помощниками при установлении того или иного факта. Путем сопоставления их можно проверить документами, в особенности документами департамента полиции» [23, с. 434]. Участники совещания пришли к выводу, что перед публикацией работы, построенные на использовании устных свидетельств, должны все же проходить несколько уровней проверки: авторскую, редакторскую и цензурную (в центральных органах печати Истпарта этим занимались А.И. Ульянова-Елизарова и М.С. Ольминская, а также археограф С.Н. Ваян).

В результате сформировался новый подход. Он выразился в вышедшей в свет серии «История фабрик и заводов». В ней воспоминания использовались редакцией этой серии уже как иллюстративный материал (показ деталей, живых зарисовок) к исторической канве, выстроенной на основе письменных источников. При таком подходе воспоминания уже не рассматривались как источник по фактам. По этой причине отказались от анкетирования [24, с. 32–33]. При сборе устных свидетельств рекомендовалось создать атмосферу непринужденной беседы, товарищеского разговора, а при публикации следовало сохранить стиль мемуариста [25, с. 143].

Некоторые исследователи настаивали на том, что респондент имеет право на вымысел. Следовательно, с помощью устной истории восстановить историческую канву событий невозможно, поэтому анализировать устный источник необязательно, поскольку он передает в основном настроение респондента [26, с. 205–215]. В определенной степени смена приоритетов, от приоритета факта к приоритету настроения, способствовала отказу от устной традиции в исследовании новейшей истории отечества. К середине 1930-х гг. были ликвидированы все общественные организации, занимающиеся сбором материалов по истории революций и Гражданской войны на территории России, которые были распространены практически во всех субъектах Советского Союза.

Размышляя об итогах использования методов устной истории в 1920–1930-е гг., нетрудно заметить, что устноисторическая по форме и содержанию работа по формированию источниковой базы для изучения

«человеческого содержания эпохи» являлась составной частью отечественных научных исторических исследований. Она, по сути, предшествовала движению «устной истории» за рубежом, которое началось в конце 1930-х — 1940-е гг. Принято считать, что началом являлся 1948 г., когда преподаватель Колумбийского университета А. Нэвинс и студент-выпускник Дин Альбертсон отправились интервьюировать человека, который мог поделиться с ними воспоминаниями о строительстве нью-йоркского метрополитена [27, с. 213]. И в том же году они призвали коллег «систематически собирать и записывать устные рассказы». В Советском Союзе работу по записи рассказов о Московском метрополитене возглавил еще в 1930-е гг. вожак комсомола А.В. Косарев. Практическими результатами этого проекта явилось написание истории строительства Московского метрополитена и издание в 1935 г. сборников собранных воспоминаний: «Рассказы строителей метро» и «Как мы строили метро» [28, с. 41–46]. Принципиальным отличием зарубежного варианта устной истории 1940-х гг. от отечественного опыта 1920–1930-х гг. являлась жесткая установка на техническую поддержку записи опросов с целью максимальной фиксации информации. Российские же исследователи вели только письменную стенографическую запись, исключениями были формирующиеся фонды звукозаписи при ряде специализированных организаций. Например, коллекция фотодокументов в Институте живого слова или архивы созданного в 1932 г. Центрального архива звуковой записи.

Таким образом, применительно к 1920-м гг. можно говорить об использовании методов устной истории: это и более точное фиксирование с помощью стенографической записи рассказов информатора; это и научно-методические рекомендации по составлению вопросников и проведению интервью. В этом смысле можно говорить о становлении устной истории в России в 1920–1930-е гг. С точки зрения методики работы с устными свидетельствами, для современной практики интересны различные подходы в работе исследователей 1920–1930-х гг. Особый интерес представляет участие представителей академической науки. Опыт работы каждого из них и их вклад в устноисторическую работу достойны обобщения. Также интересен опыт работы массовых участников опросов, методики отбора информаторов, методика хранения полученных источников, их введения в серийные научные издания, такие как «История пролетариата», «История заводов» и др.

Библиографический список

1. Логин В. Т. Военно-исторические источники, их классификация и принципы исследования. — М., 1971.
2. Кузнецова Н. П. «Устная история» в практике работы зарубежных архивов // Советские архивы — 1980. — № 1.
3. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство в XX веке. Устная история. — Барнаул, 2008.
4. Щеглова Т. К. Устная история : учебное пособие для студентов вузов. — Барнаул, 2011.
5. Корнеев В. Е. Устная история в 1920-е гг. // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений. — М., 1993.
6. Хубова Д. Н. Устная история «Verba volant» : метод. пособие. — М., 1997.
7. Мокрова М. Ф. «Устная история» и источниковедение истории науки / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. — [Электронный ресурс] — URL: <http://www.ihst.ru/events/youth/mok-rova.htm> (дата обращения: 15.08.06).
8. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. — М., 1997.
9. Хубова Д. Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1992.
10. Шмидт С. О. Краеведение и документальные памятники. — Тверь, 1992.
11. Феноменов М. Я. Изучение быта деревни в школе // Исследовательская краеведческая работа по обществоведению: пособие для преподавателей. — М., 1925.
12. Мусихин В. Е. Вятская деревня: история и современность : учеб.-метод. пособие для учителей и студентов. — Киров, 1996.
13. Свободное слово. — 1918. — № 23/24.
14. Ермакова Л. И. Об этнографическом направлении школьного краеведения в 1920 г. // Этнография Алтая : материалы II научно-практической конференции / под ред. Т. К. Щегловой. — Барнаул, 1996.
15. Очерки истории исторической науки в СССР: 5 т. / под ред. М. В. Нечкиной. — М., 1966. — Т. 4.
16. Вартамян Н. И. Публикация мемуарных источников : метод. пособие. — М., 1972.
17. Сводка работы истпартоделов // Пролетарская революция. — 1924. — № 1 (24).
18. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. П-2. — Оп. 2. — Д. 3.
19. Гришаев В. Ф. Артель «Краевед» // Барнаул: энциклопедия. — Барнаул, 2000.
20. Покровский М. Н. Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции // Пролетарская революция. — 1924. — № 11.
21. Пролетарская революция: исторический журнал Истпарта. — 1924. — № 3.
22. Тезисы к докладу тов. Авдеева о методах собирания и обработки материалов // Пролетарская революция: исторический журнал Истпарта. — 1924. — № 8–9.
23. Протокол 3-го совещания Истпартоделов СССР (составленный по стенограмме от 26–27 / V 1924 г.) // Пролетарская революция: исторический журнал Истпарта. — 1924. — № 8–9.
24. Гайсинович А. (Беседа меньше всего должна походить на анкетный опрос) Источники по истории заводов // История заводов. — М., 1932. — Вып. 2.
25. Рожкова М. Как записать воспоминания // История заводов. — М., 1932. — Вып. 3.
26. Ребинович И. О записи воспоминаний // История заводов. — М., 1933. — Вып. 4–5.
27. Бэрг М. Устная история в Соединенных Штатах // Новая и новейшая история. — 1976. — № 3.
28. Журавлев С. В. Давайте ... возьмем историю как она есть // Политическое обозрение. — 1989. — № 1 (19).